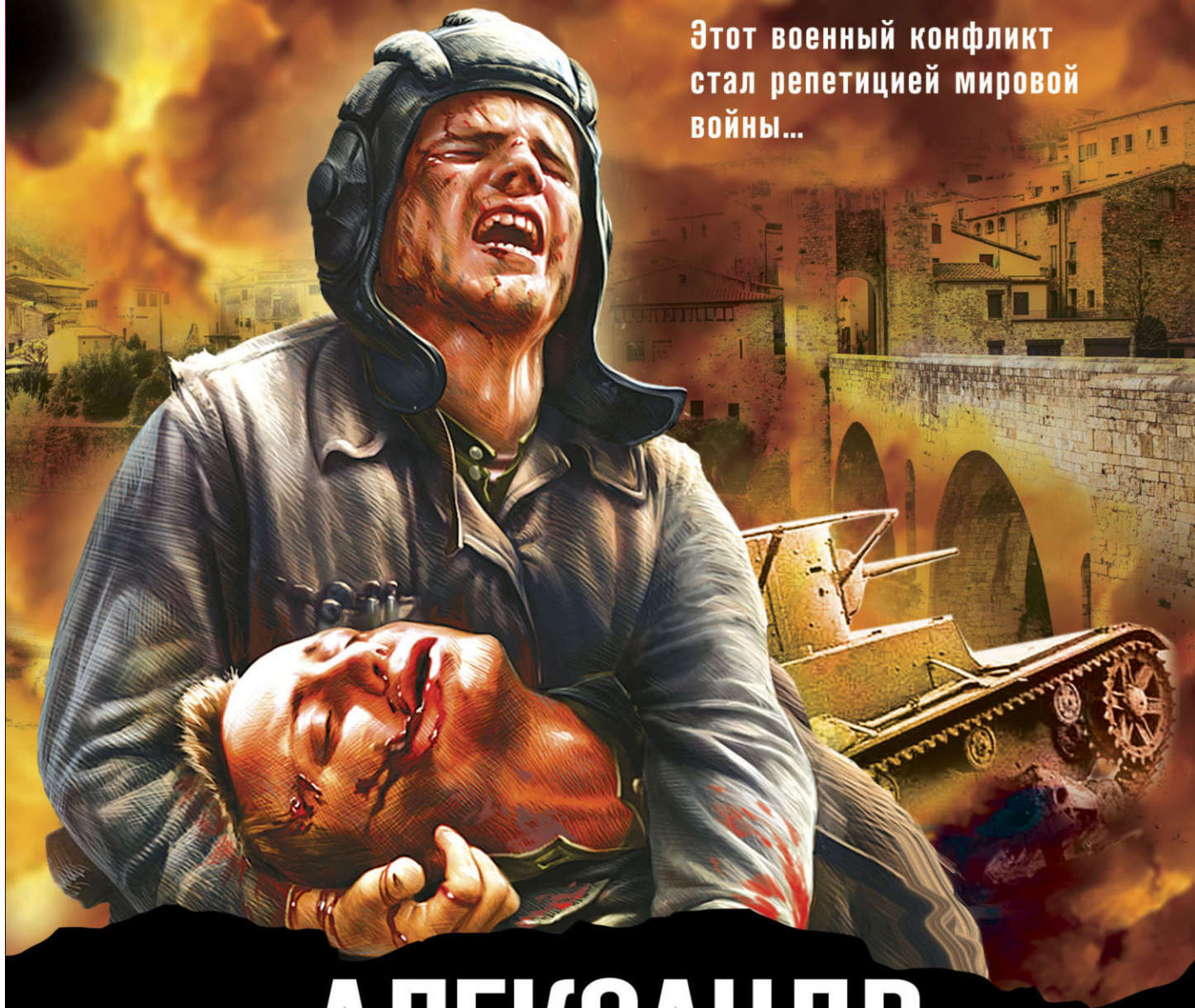

ИСПАНСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Этот военный конфликт
стал репетицией мировой
войны...

АЛЕКСАНДР
ТАМОННИКОВ

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Александр Тамоников

Испанская прелюдия

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Испанская прелюдия / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-117629-7

Испания, 1937 год. Конфликт между Республикой и военной диктатурой генерала Франко вылился в кровопролитную войну. В боевые действия вступили и крупные европейские страны: СССР – с одной стороны, Германия и Италия – с другой. Боевому офицеру Алексею Донцову предложено сформировать диверсионный отряд и отправиться в качестве добровольца на Испанскую войну. У Алексея есть надежные бойцы, с которыми он прошел огонь и воду. Но на этот раз им предстоит сражаться не с басмачами и белогвардейскими недобитками, а с матерыми германскими головорезами. Донцов и его группа отправляются навстречу смертельной опасности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117629-7

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	8
Часть первая	12
Москва	12
«Немезида»	15
Барселона	18
Отряд	23
Часть вторая	26
Теруэль	26
Аликанте	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Тамоников

Испанская прелюдия

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ИСПАНСКАЯ
ПРЕЛЮДИЯ**

МОСКВА
2021

Все, относящееся к диверсионной деятельности, основано на реальных событиях. Главные литературные герои имеют свои прототипы.

А. Тамоников

Если позволить фашистам продолжать преступления, которые они совершают в Испании, агрессивный фашизм обрушится и на другие народы Европы. Нам нужна помощь, нужны самолеты и пушки для нашей борьбы... Испанский народ предпочитает умереть стоя, нежели жить на коленях. No pasarán!

Из выступления Долорес Ибаррури на митинге в Париже 3 сентября 1936 года

В связи со вступлением в силу обмена нот между СССР и Францией о «невмешательстве в испанские дела» Народный комиссариат по внешней торговле издал приказ о запрещении с 28 августа 1936 года экспорта, реэкспорта и транзита в Испанию, испанские владения и Испанское Марокко всякого рода оружия, амуниции и всяких материалов, воздушных судов в собранном и разобранном виде, а также военных судов.

ТАСС

Они (англичане, французики) думали, что мы стали ручными и будем именем Союза прикрывать подлую фальшь, но еще раз ошиблись. У испанцев это подняло дух, а особенно то, что за этим заявлением кроме слов последуют дела... Вот, брат, великая диалектика в политике, какую обладает наш великий друг и родитель в совершенстве. Теперь они, тупоголовые буржуазные политики, а особенно журналисты, орут: «Сталин хочет взорвать соглашение», тогда как они сами закрывали глаза на его срыв, а Сталин не хочет способствовать подлому делу удушения Испанской республики, и, наоборот, хочет помочь Испанской республике удушить фашистов.

Из письма Кагановича Орджоникидзе

Я сказал Кестлеру: «История остановилась в тридцать шестом», на что он отреагировал мгновенным пониманием. Мы оба подумали о тоталитаризме в целом, а в частности – об испанской войне. В Испании впервые я увидел газетные репортажи, не имевшие никакого отношения не то что к фактам, но даже к тому, что подразумевается под ординарной ложью.

Дж. Оруэлл

Пролог

Начальник погранзаставы обвел взглядом строй бойцов, саркастически хмыкнул и проговорил, глядя на старшего лейтенанта Донцова:

– В сапогах вы много тут не набегаются, особенно по горам. Даже босиком сподручнее будет. Здесь вам не на плацу. А вот полевая форма в самый раз, под цвет местности. Так что аккуратней. Да не мне вас учить.

Ранее лейтенант Донцов возглавлял разведывательный взвод в дальневосточном полку, показал себя с лучшей стороны, был награжден орденом Красной Звезды. Позднее он был переведен в Разведывательное управление РККА, где возглавил разведывательно-диверсионный отряд. Его заслуги по службе, конечно, очень даже способствовали такому неожиданному переводу с повышением в звании. Однако первую скрипку здесь сыграла рекомендация полковника Иосифа Шмыги, его бывшего наставника, перешедшего в разведку несколько ранее.

В эту командировку отряду было приказано уничтожить басмаческую банду Шады-Огры, в последнее время совершившую несколько рейдов на территорию СССР из Афганистана с целью грабежа и дестабилизации обстановки по заказу внешних врагов. База банды располагалась в предгорьях, в двадцати километрах от границы. По полученным разведданным, Шады-Огры теперь готовился к прорыву в Туркменистан. На базе осталась лишь охрана и обслуга. Самое подходящее время для атаки.

Лошадей, уставших от дороги, бойцы отвели в загон и покормили. Да и самим людям требовался отдых.

Выступили они в сумерках, чтобы за ночь миновать долину реки. Ведь басмачи, скорее всего, имели дозорных, а днем все как на ладони. Луны на небе не было, но оно пестрило звездами, что обеспечивало необходимую видимость при достаточной скрытности.

Пограничники обеспечили окно через кордон, и конный отряд двинулся вдоль Муграба по направлению к горам. Река с плоскими берегами будто бы не имела глубины, была криво прочерчена по долине одним мазком гигантской кисти Создателя. Сама долина поросла чахлым кустарником, осокой и мятликом, что не создавало проблем при продвижении по ней конным строем. Несколько лошадей шли под вьюками, несли на себе запас провизии, боезапас и прочее необходимое снаряжение. Операция могла растянуться на неопределенное время.

Когда рассвело, отряд уже продвигался по тропе, тянувшейся по дну ложбины с пологими краями. Вскоре обнаружилось ответвление, что-то вроде широкой ниши, где бойцы и расположились на привал. Коней они расседлали и отправили пастись, подкормиться чем бог послал.

Донцов мельком взглянул на часы.

«Вот-вот должен появиться», – подумал старший лейтенант и не ошибся.

Вскоре из-за поворота появился мужчина с мулом в поводу, навьюченным тюком. Этот гибрид осла и кобылицы шел неторопливым шагом, с гордо поднятой мордой. Донцову казалось, что он презирает весь окружающий мир и готов плевать на него. Погонщик был одет в просторные шаровары и хлопчатобумажную рубаху навыпуск, обут в кожаные сандалии. Встреча с тайным агентом была обговорена заранее для прояснения обстановки, сложившейся на данный момент.

Донцов двинулся ему навстречу. Его сопровождал старшина Набиев, владеющий фарси.

– Информация течет как вода, – сказал он на этом языке.

– И затекает в уши, – ответил погонщик.

Это были пароль и отзыв.

– Шады-Огры намерен прорываться через границу за рекой, ближе к Ирану, может быть, и с территории этой страны, – с места в карьер начал докладывать агент, слова которого тут же переводил Набиев. – Он увел основные силы. Сейчас на базе только охрана, обслуга и жен-

щины-рабыни. Она располагается в брошенном туркменском селении, на пологом склоне. Отсюда до нее около пяти километров. Перед селением ущелье сужается, имеет обрывистые, скалистые края. На них справа и слева организованы пулеметные гнезда. Мимо никак не проскочишь. Дальше никаких оборонительных сооружений нет, только дозоры. Связь басмачи осуществляют световыми сигналами. Сидят по одному, сменяются через каждые шесть часов. До правого гнезда можно добраться с этой стороны, до левого – лишь от селения. Тут уж сами думайте. Не доходя до каменистой части ущелья, справа увидите плоский камень, похожий на толстую лепешку. За ним есть тропа, по которой можно забраться наверх. Боезапас и оружие они хранят в каменном строении, расположенном на южной окраине. Коней лучше оставить здесь и дальше двигаться пешим ходом. Будет не так заметно.

Набиев поблагодарил агента, а Донцов передал ему пакет с деньгами. Погонщик поклонился и скрылся за поворотом.

«Атаковать нужно ночью, а вот подавить пулеметные гнезда лучше засветло, перед заходом солнца, чтобы басмачи очухаться не успели. Да и ночью не придется по горам мотаться», – подумал Донцов, посмотрел на часы, подозвал к себе лейтенанта Солейко и сказал:

– Слушай меня, Сан Саныч. У них пулеметные гнезда устроены при выходе из ущелья...

– Понял, командир, – перебил Донцова лейтенант. – Нужно их уконтрапупить.

– Догадливый ты наш! – Донцов ознакомил Солейко с данными, полученными от агента, и добавил: – Нужно их отработать засветло, но незадолго до темноты. Дальше сам сообразишь, не маленький.

Несмотря на простоту общения, в отряде царила жесткая дисциплина. Бойцов туда набирали из разных мест, и не каких-нибудь зеленых юнцов, только что призванных на службу в РККА, а закаленных вояк, прекрасно умеющих убивать и выживать. Зачисляли их в отряд лишь после прохождения жестких психологических тестов. Сразу отсекали садистов, испытывавших удовольствие от умерщвления братьев по разуму. Но врагов Родины следовало убивать не задумываясь, если того требовали обстоятельства, вне всякой морали, кто бы они ни были, вне зависимости от возраста и пола. Если враг не сдастся, его уничтожают. Если Родина велела тебе раздавить ежа голой задницей, то ты обязан это сделать. Их приучали думать и действовать в рамках приказа, не обращать внимания на внешние факторы, если они не мешали его выполнению, причем любой ценой. Приказ стоял выше закона, над ним. Но при этом бойцам прививали чувство справедливости, пусть и волчьей, но все-таки. Лишать кого-то жизни без причины считалось недопустимым.

Бойцов готовили скрупулезно и многогранно, включая действия в горах. Солейко преуспел в скалолазании, поэтому и был выбран Донцовым для проведения операции.

Когда солнечный диск коснулся вершин гор, Сан Саныч вместе с бойцом по прозвищу Смок с оглядкой двинулись вдоль ущелья. Красноармеец был вооружен пистолетом-пулеметом Дегтярева, а у Солейко на плече висела винтовка Мосина с оптическим прицелом.

Правое пулеметное гнездо они обнаружили быстро. Уж больно место удобное: площадка под скалой, нависающей над ней, и брустверы из камней, явно притащенных сюда. Солейко сразу понял, как он будет брать этого пулеметчика.

За плоским камнем действительно обнаружилась тропинка, ведущая вверх по склону.

– В лоб лезть опасно, – сказал Смок. – Не исключено, что заминировано. Мы и сами взлетим, и шуму много будет.

– А мы не в лоб, а сверху, – сказал Солейко.

Они нацепили на руки трехзубые стальные кошки, поднялись по почти вертикальной стене, по-змеиному продвинулись вперед по камням и оказались над пулеметчиком. Солейко передал винтовку Смоку, сосредоточился и прыгнул на вражеского стрелка. Он ударил его ладонью по затылку так, что тот врезался лбом в камень, и для верности всадил нож под левую лопатку.

Полдела было сделано. Бойцам предстояло разобраться со вторым гнездом.

Смок спустил на веревке винтовку. Солейко взвел затвор и начал рассматривать через прицел противоположную сторону ущелья, поросшую густым кустарником, изрядно затруднявшим видимость.

«Надо его заставить проявить себя», – подумал Солейко и громко каркнул несколько раз подряд.

Любопытный басмач высунул голову из кустов, и пуля тут же угодила ему прямо в лоб.

Солейко затаился. Странно, но никакой реакции на выстрел не наблюдалось.

– Смोक, гони к нашим, скажи, что все в порядке, можно выдвигаться, – распорядился лейтенант. – А я тут посижу, покараулю на всякий случай. – Сан Саныч развернул пулемет в сторону селения, которое смотрелось как на ладони, и закурил, прикрывая папиросу ладонью.

Неумолимо накатывались сумерки, стояло полное безветрие. Тишина прерывалась лишь редкими выкриками птиц и неясным шорохом в кустах, издаваемым какой-то мелкой живностью.

«Затишье перед бурей», – подумал Солейко, приложился к прицелу и стал наблюдать за тем, что происходило в селении.

Оно располагалось на пологой части склона, который потом круто уходил вверх и порос лесом.

«Каменные дома, загоны для скота, какие-то амбары. Почему селяне его покинули? Может быть, источник воды иссяк? А басмачи откуда воду берут?» – размышлял Солейко.

Его раздумья прервал вернувшийся Смोक.

– По темноте выступаем. Ты остаешься на месте. Будешь осуществлять огневое прикрытие, – проговорил он.

«Да я хоть сейчас! – подумал Солейко, глядя на конный разъезд, двигавшийся по краю селения. – Смешаю в кучу коней и людей».

Группе во главе с лейтенантом Иваном Джигой было поручено взорвать склад с боеприпасами, предварительно уничтожив охрану. Это должно было спровоцировать панику и неразбериху, существенно дезориентировать и ослабить противника.

Большая часть отряда переместилась выше по склону, куда в силу крутизны конные дозоры не заезжали. Оттуда, как сказал один боец, сподручней гранаты бросать. Эта передислокация стала возможной после ликвидации пулеметного заслона. Никто не ждал команды к активным действиям. Таковой должен был послужить взрыв склада с боеприпасами.

Отряд остался в засаде, а группа Джиги двинулась дальше, в обход селения. Электричества там, ясное дело, не было. На улицах царил темнота. В некоторых домах горели масляные лампы, тусклый свет которых проглядывался в окнах. По углам каменного склада висели фонари, кое-как освещавшие окрестную территорию. Сторожевых псов тут, слава богу, не наблюдалось. Басмачи явно не ожидали нападения на свою базу. Мелкие местные банды вряд ли отважились бы на это. Шады-Огры пользовался большим авторитетом в этих диких местах.

У дверей склада стоял часовой. Остальные охранники, видимо, находились внутри.

«Сколько их там? Ну, не взвод же!» – подумал Джига.

Один из бойцов заголозил по-ишачьи. Их специально учили имитировать звуки, издаваемые различными животными и птицами. Часовой отвлекся. Сзади на него тут же навалились двое красноармейцев, и басмач благополучно отбыл в мир иной, может быть, для него лучший.

Дверь оказалась незапертой, и группа ворвалась внутрь помещения. Трое охранников удобно расположились на топчане, недалеко от входа, и спокойно курили, поставив карабины между ног. Четвертый свернулся калачиком на драном матрасе и, видимо, спал.

Рукопашная стычка длилась недолго. Басмачи просто не были готовы к внезапному нападению. Красноармейцы взяли их на ножи, не позволили сделать ни единого выстрела, потом включили фонари.

– Быстро посмотреть, что они тут хранят! – скомандовал Джига, и группа моментально рассредоточилась по складу, заставленному ящиками и заваленному тюками.

Продовольствием здесь и не пахло. Видимо, басмачи хранили его в другом месте.

Тюками красноармейцы особо не интересовались, но ящики открывали, исследовали досконально.

– Командир, здесь полно динамитных шашек! – проговорил вдруг какой-то боец.

«Ну вот, – подумал Джига. – Зря только взрывчатку с собой тащили».

– Все наружу, контролировать подходы. – Он ткнул пальцем в одного из бойцов. – Ты остаешься со мной.

Лейтенант Джига разбирался в подрывном деле лучше всех в отряде.

Он оценил количество динамита, тихо присвистнул и прошептал:

– Да тут этого добра килограммов сто. Рванет от всей души.

Лейтенант приспособил взрыватель и воткнул запальный шнур.

– Три минуты. Успеем уйти на безопасное расстояние, – сказал он красноармейцу, подпалил шнур, выскочил наружу и выкрикнул: – Все за мной! Бежим как стометровку! Рванет так, что мало никому не покажется.

Бойцы что есть мочи бросились прочь от селения. При этом они ничуть не скрывались, понимали, что если басмачи их и увидят, то не успеют ничего предпринять.

Красноармейцы отбежали на пару сотен метров, залегли в небольшой ложбине и заткнули уши пальцами. Рвануло так, что взрывная волна прошла по их спинам и оглушила, несмотря на превентивные меры. Склад просто исчез вместе с близлежащими домами. Что-то горело. Пламя освещало груды разномастных обломков.

– Вперед! – крикнул Джига. – Стрелять всех басмачей, гражданских без необходимости не убивать.

Бойцы Донцова сразу после взрыва бросились вниз по склону, предварительно метнув туда несколько гранат. Судьба решит, кому там что прилетит. На войне как на войне».

Сразу после взрыва лейтенант Солейко дал длинную очередь из пулемета по конному разьезду басмачей, находящемуся в паре сотен метров, и мигом превратил его в куча-мала.

Противник не успел оказать серьезного сопротивления. Бойцы отряда методично отстреливали ошеломленных басмачей. Безоружных мужчин и женщин, выскочивших из домов, они клали на землю, приказывали им лежать и не шевелиться.

Вскоре все закончилось. Если кто-то из бандитов и успел сбежать, то и аллах с ними.

То, что осталось от базы басмачей, отряд покинул той же ночью. Операция закончилась полным успехом. Задание командования было выполнено.

Часть первая

Над всей Испанией безоблачное небо

В одном я уверен и за это могу отвечать: там, где буду я, коммунизма не будет.

Франсиско Франко

Москва

Алексей Донцов вошел в свою квартиру. Ему тут же бросилось в глаза обилие пыли, ударил в нос отвратный запах застарелой тухлятины. Впрочем, он этому нисколько не удивился. Уже в поезде, едучи в очередную командировку, старший лейтенант вспомнил, что не закрыл форточку и не вынес помойное ведро, наполненное объедками после обильного застолья, устроенного накануне.

Несмотря на безудержное желание плюхнуться в кровать, он, ругаясь на чем свет стоит, вынес ведро на помойку, протер пыль в самых доступных местах, обрызгал все помещение тройным одеколоном и принялся.

«Вроде бы дерьмом не пахнет», – подумал Алексей, быстренько сходил в душ, забрался под одеяло и немедленно уснул.

Он имел полное право на это, получил недельный отпуск после удачного проведения диверсионной операции. База Шады-Огры была уничтожена. Главарь банды надолго лишился ресурсов и активные боевые действия в ближайшее время вряд ли предпримет.

Служба в разведке Донцову нравилась своей непредсказуемостью, прямо как в приключенческом романе. Все бы ничего, но от него сбежала жена к какому-то директору овощной базы по причине отсутствия достаточного количества денег, а частенько и самого мужа. Однако в каждой потере есть приобретение, а в каждом приобретении есть потеря, как говорят англичане. А если по-русски, то нет худа без добра.

В его распоряжении осталась однокомнатная квартира на Красносельской. Если не было бы жены с ее оборотистым папашей, то мыкался бы старший лейтенант Донцов в офицерском общежитии с единственным туалетом на этаж и двумя сосками душа на весь корпус.

Но мечте хорошенько выспаться не суждено было исполниться. В шесть утра заверещал радиоприемник, и диктор бодрым голосом начал рассказывать про шахтеров-стахановцев, установивших очередной рекорд по добыче угля. Он инстинктивно выдернул шнур из розетки и вновь провалился в сладкий сон, но, как оказалось, ненадолго. Заработал телефон, стоявший на прикроватной тумбочке. Звонил настырно и долго. Наконец-то Алексей вынырнул из небытия, нащупал трубку и прижал ее к уху.

Беспокоил его полковник Шмыга.

– Донцов?

– Он самый, товарищ полковник. – Алексей сразу же узнал голос своего бывшего наставника, а ныне куратора.

– Нам необходимо встретиться в ближайшее время.

Донцов не стал задавать глупых вопросов. Мол, что случилось?

– Где? – осведомился он.

– Ты сейчас в отпуске, поэтому мы можем поговорить вне управления. Так будет даже лучше. Рядом с тобой есть кафе, «Весна», что ли, называется, то самое, которое мы посетили после кавказских дел. Там через три часа. Форма одежды кабацкая.

– Понял вас. – Донцов положил трубку и взглянул на часы.

Семь пятнадцать.

Ему не понравилось, что встреча пройдет вне управления. Это означало, что намечалось нечто неординарное.

Кафе «Весна» было вполне демократичным заведением. Напитки и закуски здесь подавались самые немудреные. Но, в отличие от стандартной советской пивной, места там были не стоячие, а сидячие.

Красные командиры заказали пиво с воблой и уселись за свободный столик.

Шмыга, крепкий, жилистый мужчина лет тридцати пяти, сделал пару глотков из кружки, в упор посмотрел на Донцова и спросил:

– Ты в курсе нынешних событий в Испании?

– Краем уха слышал. Мне не до этого было, сам понимаешь.

Во внеслужебной обстановке они общались по-приятельски и были на «ты».

– Понимаю. Ну так слушай и на ус наматывай. В Испании произошла попытка государственного переворота, плавно перешедшая в гражданскую войну. С одной стороны, республиканцы под руководством демократически избранного правительства, а с другой – сторонники генерала Франсиско Франко. Ситуация мутная. Франко близок к фашизму. Против него выступает целая куча разномастных партий. Это коммунисты, социалисты, анархисты, демократы и всякие прочие. Понятно, что каждый хочет стать нумеро уно, идет борьба за власть под разной идеологией. СССР по духу ближе республиканцы. Нам вполне хватает Германии и Италии с их фашистской доктриной. Мы подписали соглашение с европейцами о невмешательстве, но советников в Испанию посылаем в помощь республиканцам. «Совет – больше чем услуга». Так говорил Дюма-отец.

– Это что, внеплановая политинформация? – любопытствовал Донцов и криво усмехнулся.

Он не понимал, к чему клонит его куратор.

– Именно политинформация, – подтвердил Шмыга, никак не реагируя на сарказм Алексея. – Вопрос в том, зачем я тебя просвещаю.

– И зачем?

Их разговор прервал шум за угловым столиком.

Какой-то мужик в потертой спецовке схватил своего собутыльника за горло и методично стучал кулаком по его голове. Бедолага оказывал слабое сопротивление, явно задыхался, закаптал глаза и пустил слюну из открытого рта.

– Надо успокоить, а то задушит еще, – сказал Донцов, подошел к этим людям, перехватил руку душителя и крепко врезал ему под дых. Мужик согнулся пополам и бухнулся на колени.

– Все понял, начальник, – прохрипел он, упершись в жесткий взгляд Алексея.

Донцов вернулся на место.

Буквально через минуту к нему подскочил какой-то тип, до сего времени равнодушно взиравший на происходящее.

– Слушай, парень, – обратился он к Алексею. – Они только что из лагерей откинулись. У них свои счета. Пахан таким вот образом воспитывает свою шестерку. Не лезь к ним, это бесполезно. Ничего страшного с этим фраером не случится. Получит по башке, на этом все и закончится.

– Пускай они на улице разбираются, не мешают нормальным людям культурно отдыхать, – проговорил Алексей.

Когда мужик отошел, Шмыга заявил:

– Вот тебе и ответ на твой вопрос. Не хочешь на их место? В смысле не здесь, а в каком-нибудь лагере?

У Донцова аж челюсть отвисла.

– Это как?

– Да вот так, – сказал Шмыга, сдвинув брови. – Помнишь взрыв на военном складе в Подмосковье? Накануне твои бойцы боеприпасы там получали. К нам уже приходил следователь из НКВД, задавал про них странные вопросы и тебя упомянул. Сейчас идет непримиримая борьба с троцкизмом, нужны раскрытые дела. А лес рубят – щепки летят. Арестуют твоих орлов и тебя заодно по обвинению в троцкизме. Может быть, потом ты и отмоешься, но пятно к биографии на всю оставшуюся жизнь приклеится.

– И что мне теперь делать? – У Донцова возникло ощущение, что его воткнули головой в парашу.

Шмыга на несколько секунд задумался и ответил:

– Поедешь в Испанию. Помнишь стишок про бумаги и овраги? Да, в оврагах все иначе, совсем не так, как на бумаге. СССР не будет вводить регулярные войска в эту страну, а вот организация партизанского движения – дело совсем другое. Партизаны действуют сами по себе и плюют на всякие запреты. В Испании с начала века государственные перевороты превратились в национальную забаву. Там герилья на герилье сидит и герильей погоняет. За развертывание партизанской структуры сейчас отвечает полковник Старинов Илья Григорьевич, находящийся, по-моему, в Севилье. Вместе со своими двумя орлами – как их там, Солейко и Джига – отправишься в его распоряжение. Займешься там созданием разведывательно-диверсионного отряда наподобие своего.

– В каком официальном качестве я туда поеду? По дипломатическим каналам?

– Да какой из тебя дипломат! – Шмыга усмехнулся. – Мы разведка, а не МИД. Сделаем вам нансеновские паспорта, рекомендации от Коминтерна на всякий случай. Сейчас он в Испании в фаворе. Потом и отправитесь в Барселону на подходящем кораблике.

– Когда отбывать? – Донцов понял, что заслуженный отдых отменяется.

– Когда скажут. Но сначала вам придется пройти ускоренные курсы вместе с добровольцами, которых якобы не существует. Испанский язык, тамошние традиции, нынешняя обстановка, география. Еще, естественно, боевая подготовка, чтоб служба медом не казалась. Сегодня же отправитесь в тренировочный лагерь. Только Солейко с Джигой срочно разыщи. Сам я отбываю в Испанию завтра, как раз по дипломатическому паспорту в качестве советника. Связь будешь держать с майором Чухонцевым. Ну вот и все, расходимся. – Шмыга встал из-за стола и, не прощаясь, направился к выходу из кафе.

Донцов тоже двинулся домой.

По тротуарам катились первые желтые листья. Лето плавно переходило в осень.

«Немезида»

После окончания курсов подготовки у так называемых добровольцев забрали советские документы и выдали им нансеновские паспорта. Имена и фамилии оставили прежними, лишь заменили кириллицу на латиницу.

– Кто вас в Испании, в этом бардаке искать будет? – сказал полковник, начальник учебной базы. – А к новым именам трудно привыкать.

В Одессу их переправили на транспортном самолете и высадили в аэропорту. Там добровольцы без труда пристроились на грузовичок, везущий какие-то консервы в район Приморского бульвара. Оттуда им следовало добраться до товарного порта, сесть на грузопассажирское судно испанской приписки под названием «Немезида» и не покидать его. Документы у них проверять не будут, все обговорено.

«Почему это морское корыто назвали «Немезидой»? – подумал Донцов, в детстве увлекавшийся греческой мифологией. – Это ведь богиня возмездия. Кому они мстить собираются? А капитана корабля, грека с испанским гражданством, зовут Дракон Метикидис.

Немезида, Дракон, грек с испанским гражданством и мы с нансеновскими паспортами. Какая-то нелепая мешанина несовместимостей, театр абсурда».

Грузовик остановился возле ресторана «Маяк».

У машины же нарисовалась парочка ловких парней в спецовках.

– Слезайте, приехали. Нам товар разгружать надо, – сказал один из них, глядя на пассажиров, сидевших на коробках с консервами.

Добровольцы покинули грузовик и прогулочным шагом двинулись вдоль Приморского бульвара. Одеты они были в новенькие, одинаково пошитые габардиновые костюмы.

«Хорошо, что хоть цвет ткани разный, а то бы выглядели мы как инкубаторские цыплята». – Донцов криво усмехнулся.

– Рыбки хочется и водочки чуть-чуть, – неожиданно сказал Джига и кивнул в сторону ресторана. – Зайдем, расслабимся перед дорожкой?

– На корабле расслабишься. Там наверняка буфет имеется, – буркнул Донцов. – Мы у НКВД на крючке, а паспорта у нас чудные. Милиция мигом заинтересуется.

«Немезиду» они обнаружили на пятом причале. По спущенному трапу сновали портовые грузчики с мешками на плечах. Ими командовал шустрый мужичок в мятом кремовом костюме и картузе с лаковым козырьком.

– Нам бы с капитаном поговорить, – обратился к нему Донцов.

– А вон он. – Мужичок махнул в сторону корабля. – Там, на баке.

Капитан в белоснежном морском кителе стоял, опершись на планшир, и курил трубку.

Донцов прошел вдоль причала к носу корабля и крикнул:

– Мы пассажиры от Соколова.

Кто такой Соколов, он понятия не имел, но эта фраза служила паролем.

Капитан вынул изо рта трубку, бросил мимолетный взгляд на троих мужчин, стоявших у края причала, и заявил:

– Проходите, вас пропустят. – Он тут же отвернулся от них и погрузился в раздумья о чем-то своем.

Донцов был предупрежден о том, что с капитаном все обговорено, деньги уплачены, и вообще он очень любит Советский Союз.

Пароход «Немезида» имел океанский статус и выглядел весьма солидно. В надпалубной надстройке располагались буфет и кают-компания, где пассажиры могли общаться, играть в шахматы, в карты, листать журналы, потягивая сок или пиво из бутылок.

Добровольцы разместились в каюте с четырьмя спальными местами, как в купе пассажирского поезда. Они были предупреждены о том, что четвертого соседа у них не будет. Сей факт, конечно же, их вполне устраивал.

Солейко сразу же ринулся в буфет. Там ему сказали, что наливать будут только после отплытия, но еду можно доставить в каюту. Дескать, отчалим только завтра утром, а кушать вам раньше захочется. Буфетчик изъяснялся на ломаном русском, они прекрасно друг друга поняли. Вскоре молоденький матрос принес в каюту жареную рыбу, зеленый лук, помидоры, кукурузные лепешки и кувшин с квасом.

Поутру корабль отчалил и двинулся поперек Черного моря к турецким берегам.

Добровольцы проснулись, изрядно зарядились в буфете и вышли на палубу.

– Славное море, священный Байкал, – неожиданно пропел Солейко.

– Поддерживаешь морские традиции? – с усмешкой осведомился Донцов.

– Какие еще традиции? – Солейко недоуменно воззрился на командира.

– На флоте такая команда есть. Песни петь и веселиться, – пояснил Донцов. – Вот ты и веселишься, правда, без всякой команды.

– Это точно, – подтвердил Солейко. – Всю жизнь бы так плыл. Ни забот, ни хлопот. Наливают по первому требованию. Только девок не хватает для полного счастья.

– Доберемся до Барселоны, а там, говорят, их полно, и они на все готовы, – включился в разговор Джига. – А это еще что за фрукт? – Он указал рукой в сторону кормы.

Два здоровенных матроса вели вдоль борта парня лет двадцати. Сзади вышагивал капитан.

Когда они проходили мимо, Донцов поинтересовался:

– Это что, заяц?

– Что есть заяц? – не понял капитан.

– Безбилетный пассажир, – уточнил Донцов по-испански.

– Да, безбилетный, – подтвердил Метикидис.

Оказалось, что юноша каким-то образом забрался в контейнер. Когда припекло по всем статьям, он выбрался на палубу и тут же был схвачен. Капитан откровенно злился на неожиданного пассажира из-за сорванной пломбы на контейнере. Он намеревался высадить зайца в Стамбуле, а там пусть сам, как хочет, разбирается.

– Один момент, сеньор, – обратился Донцов к капитану, глянул на взлохмаченного парня и спросил: – Ты кто, бедолага?

– Я Григорий Фраучи, студент философского факультета МГУ, – затараторил юноша дрожащими губами. – Поругался с одним профессором, ушел из университета и решил записаться добровольцем в Испанию. Но мне сказали, что никуда меня не запишут, что добровольцы это противозаконно, нарушение международных договоров. Но я знаю, что там наши воюют за демократию, за коммунизм. Вот и решил своим ходом туда добираться. Могу я к вам присоединиться? Вы ведь добровольцы?

– А на кой ты там сдался, такой вояка? – проговорил Джига. – Нам философы не нужны.

– Я мастер спорта по стрельбе, – сказал Фраучи. – Могу пригодиться.

«Опа на! – подумал Донцов. – Интересное кино получается. Этот парнишка нам и вправду может пригодиться. Ладно, потом разберемся».

– У тебя документы есть? – спросил он.

– Есть! – Юноша выдернул из кармана кургузого пиджачка советский паспорт. – Вот!

Донцов внимательно пролистал паспорт и обратился к Метикидису:

– Капитан, мы оплачиваем его проезд и берем на содержание. У нас в каюте как раз есть свободное место. Документы у него в порядке. Вы согласны?

– Согласен, – ответил Метикидис после небольших раздумий. – Лишние деньги мне нисколько не помешают.

– Вот и хорошо. Спасибо, капитан, – сказал Донцов.

– Давай его сразу в буфет, – произнес Джига, когда грек удалился. – Ты сколько в контейнере просидел?

– Около суток, – ответил Фраучи.

– Обгадил, наверное, весь контейнер?

– Вовсе нет. Я в банку ходил, а потом ее за борт выкинул.

Тут дружно рассмеялись все, включая незадачливого студента.

Через пару минут, уже сидя за столиком в буфете, Донцов спросил:

– А ты не родственник Артуру Христиановичу Артузову? Его настоящая фамилия тоже Фраучи. А, Гриша?

– А кто это? – поинтересовался студент, уплетая за обе щеки наваристый флотский борщ.

– А это знаменитый чекист, ныне большой начальник в разведке РККА, корпусной комиссар.

– Не знаю его, – Григорий пожал плечами. – Может, дальний родственник.

– Бог с ним, с Артузовым. Давай по делу. – Взгляд Донцова посуровел. – Из «мосинки» с оптикой сможешь работать?

– Без проблем, – не задумываясь, ответил Фраучи. – С пятисот метров в десятку все пять пуль сажал. В людей, правда, стрелять не приходилось.

– Теперь придется. Не боишься людей убивать?

– Не знаю, – Григорий пожал плечами.

Ночью «Немезида» миновала проливы, вышла в Средиземное море и взяла курс на Барселону.

Барселона

Судно замедлило ход и величаво вошло в акваторию порта Барселоны. Метикидис пояснил пассажирам, что сначала они будут высажены, потом «Немезида» направится в коммерческую часть для выгрузки-погрузки товара.

Добровольцы стояли на палубе и с интересом глазели на замысловатый пейзаж, развернувшийся перед ними. Куча причалов, парусные яхты, катера, пассажирские пароходы с едва дымящимися трубами, набережная, забитая людьми, снующими туда-сюда, растрепанные пальмы и непривычная городская архитектура. Вдалеке маячили горы.

– Вот это старое здание администрации порта. Готика, – проговорил Фраучи, выказывая свою эрудицию. – Вон тот истукан на высокой колонне, это не кто-нибудь, а сам Христофор Колумб.

Донцов сначала рассматривал вычурное трехэтажное строение песочного цвета с четырьмя статуями по углам, потом перевел взгляд на памятник Колумбу, и у него в голове зашевелилась крамольная мысль:

«А ведь издалека он похож на Ленина, тоже куда-то рукой показывает, в какое-то светлое испанское будущее зовет».

При этом он пытался как-то привязать открывателя Америки к Барселоне, но так и не нашел подходящей версии.

Судно причалило. Вахтенные отдали концы, спустили трап и пригласили пассажиров на выход, чем те немедленно воспользовались.

– Ты пока посиди здесь со своим советским паспортом, – сказал Донцов Григорию. – Мы разберемся с пограничниками, а потом тебя заберем.

Донцов не имел ни малейшего понятия о том, как именно он будет разбираться на пограничном контроле, но надеялся на лучшее.

«Приручили парня, так не бросать же его теперь. Нас должны встретить, попросим помочь», – подумал он.

На выходе из порта к ним подошел крепкий мужчина средних лет, в кремовых брюках, клетчатой рубашке навыпуск, сетчатых штиблетах и с панамой на голове. По виду то ли безалаберный турист, то ли праздношатающийся бездельник.

– Я просто Мигель. Фамилию можете сами придумать, – представился он на чистом русском языке. – Вы должны быть в курсе. Не удивляйтесь моему знанию языка. У меня бабушка по матери русская.

– Да, мы в курсе, – подтвердил Донцов.

– Тогда пошли.

Мигель двинулся было в сторону площадки, где стояли несколько автомобилей, но Донцов его тормознул.

– У нас проблема, – сказал он и вкратце изложил историю, приключившуюся с Григорием Фраучи. – Он приличный снайпер, будет нам полезен.

– Это не очень большая проблема, – успокоил Донцова Мигель. – Где сейчас этот ваш парень?

– Пока на судне.

– Ничего, сейчас мы его оттуда вытащим. – Мигель достал из кармана удостоверение коричневого цвета, показал его пограничникам и отправился на борт.

Донцов похлопал себя по карману, где лежал прелюбопытнейший документ, подаренный ему развеселым парнем из соседней каюты за бокалом вина. Текст в нем гласил, что податель сего имеет право воровать на углу Дерibasовской и Ришелье. Это удостоверение выглядело

более чем солидно, темно-бордового цвета с оттиснутой золотом надписью на обложке. Алексей вклеил туда свою фотографию и показал товарищам, что вызвало безудержный смех.

Вскоре появился Мигель вместе с Григорием.

– Этот парень арестован по приказу сегуридад, по-вашему контрразведки. – Испанец кивнул в сторону Григория и весело подмигнул Донцову: – Но в кандалы мы его пока заковывать не будем.

Алексей осмотрелся и обратил внимание на большой плакат, где бравый тореадор стоял с обнаженной шпагой супротив разъяренного быка.

«Война войной, а коррида по расписанию», – подумал он и усмехнулся.

Честная компания прошла на автомобильную стоянку, где стоял длинный открытый «Шевроле» с помятыми крыльями, исписанный лозунгами каких-то неведомых организаций.

– У анархистов отобрали, – сказал Мигель. – Авто побитое, но ездит хорошо.

Машина миновала набережную и свернула на объездное шоссе.

– Так быстрее получится, – пояснил Мигель. – В центре могут возникнуть непредвиденные заторы. Там постоянно случаются автомобильные пробки из-за шествий, похорон героев и еще бог знает чего.

Донцов с интересом разглядывал картины революционной жизни, проплывающие мимо. Улицы перекрывали баррикады из мешков с хлопком, камнями и песком. Над ними болтались красные и черно-красные знамена, вокруг них сновали вооруженные люди в больших островерхих соломенных шляпах, в беретах, в головных платках, одетые кто как или полуголые. Некоторые подбегали к машине и требовали документы, другие радостно приветствовали проезжающих, размахивая винтовками. Люди трапезничали, расставив тарелки прямо на камнях. Маленькие дети ползали по баррикадам, заглядывали в бойницы, играли патронами и штыками.

Один раз Донцов показал то самое удостоверение патрульным, остановившим их. Человек с ружьем вертел его и так и сяк, пока Донцов не сказал, что он советский дипломат. Сие пояснение возымело должное воздействие, и машина двинулась дальше по шоссе.

– Какой-то муравейник! – воскликнул Донцов, с удивлением смотря на происходящее.

– Ну да, власть в Барселоне сейчас условная, поэтому порядок тоже весьма относительный. Город взбудоражен. Бардак, одним словом, – проговорил Мигель. – Главная проблема сейчас – это взаимоотношения между партиями и организациями Народного фронта. Все они вооружены, находятся в непрерывном брожении и кипении, плохо подчиняются руководству, готовы вспыхнуть, ввязаться в новые уличные бои при любой провокации, по какому угодно поводу и без такового.

Разноплановые пейзажи мелькали как в непрерывной киноленте. Нескончаемые заводские кварталы, огромные корпуса судостроительных верфей, механических, литейных, электрических, автомобильных цехов, текстильные, обувные, швейные фабрики, типографии, трамвайные депо, исполинские гаражи. Когда машина свернула к центру города, появились банковские небоскребы, театры, кабаре, увеселительные парки. Противовесом им являлись страшные, черные уголовные трущобы, зловещий китайский квартал, тесные каменные щели в самом центре города, куда более грязные и опасные, чем портовые клоаки Одессы и Мариуполя в самые смутные времена нашей гражданской войны.

Наконец-то компания достигла пункта назначения, отеля с немудреным названием «Барселона». Они оставили «Шевроле» в закутке недалеко от входа и зашли внутрь. В вестибюле, рядом с портье в расшитом золотом сюртуке, дежурил вооруженный отряд.

– Это охрана профсоюза, который реквизирует отель, – произнес Мигель, показав свое удостоверение и подошел к стойке.

Вскоре добровольцы заселились в два двухместных номера, скоренько привели себя в порядок после длинной дороги и отправились в ресторан.

Мигель уже сидел за столом. Возле него вертелась молоденькая официантка в белом кружевном передничке.

По рекомендации Мигеля они заказали фасоловый суп косидо, фрикасе из курицы, салаты и пару бутылок хереса.

За обедом испанец обрисовал общую обстановку:

– Никаких сомкнутых фронтов здесь, в Испании, пока нет. Есть отдельные разобщенные города, власть в которых принадлежит правительству и комитетам Народного фронта либо мятежникам. Даже телефонная и телеграфная связь между ними кое-где работает по инерции. Барселона кое-как отбилась от мятежников и заявила о своей автономии под руководством президента Комапаписа. Новая власть координирует действия с центральным правительством, выполняет его указания, если считает их приемлемыми. В окрестностях Мадрида создана напряженная обстановка с непредвиденным исходом борьбы. Боевые действия затруднены сильно пересеченной местностью, переходящей кое-где в горный рельеф. Из артиллерии с обеих сторон действуют скорострельные пушки «Виккерс» калибра сто пять миллиметров, горные орудия типа «Шнейдер» испанского производства и французские семидесятипятимиллиметровые. У мятежников есть несколько крепостных орудий и танки. У правительственных войск имеется в наличии бронепоезд. Пехота с обеих сторон вооружена винтовками «маузер» и ручными гранатами. Есть отдельные минно-подрывные команды, несколько легких разведывательных самолетов. Средства связи и управления ничтожны. Вам уже поставлена задача. Я отчасти в курсе ее содержания. При короле я служил в контрразведке в чине капитана, теперь занимаюсь тем же самым в Народном фронте. Недавно прикомандирован к вашему разведывательно-диверсионному отряду, пока еще не созданному, в качестве советника, проводника и переводчика. С Берзиным и Доминго Унгрией, командиром партизанского соединения, этот вопрос согласован. Пока там батальон, но штаб республиканской армии планирует расширить его сперва до партизанской бригады, а потом и корпуса. Подробные инструкции вы получите на месте, у полковника Старинова.

Повисла пауза. Все осмысливали то, что услышали от Мигеля.

Через минуту молчание нарушил Донцов:

– Мы знаем, кто такой полковник Старинов, учились диверсионно-подрывному делу по его методикам. Но сначала нам предписано доложить главному военному советнику Берзину Яну Карловичу.

– Это я организую, – сказал Мигель. – А пока отдыхайте, набирайтесь сил. В город без меня не выходите, можете нарваться на неприятности.

Компания покинула ресторан и вернулась в номера. Мигель отправился по своим делам.

Когда окончательно стемнело, Донцов открыл окно и высунулся наружу. Жара спала, и он наслаждался ночной прохладой.

Толпа с улиц не уходила. Люди время от времени пели хором под аккордеон, трясли кулаками по рот-фронтовски или стреляли в воздух. Орала громкоговорители, лозунги и призывы перемежались популярной музыкой.

«Свобода и демократия, плавно переходящая в хаос, – подумал Донцов. – А хорошо это или плохо? Черт его знает. Только вот стрелять друг в друга не надо!»

На следующее утро Мигель пришел в гостиницу. Он и Донцов пошли гулять по старой Барселоне.

Солейко и Джига надышались воздухом свободы, успели подцепить разбитных чаровниц местного разлива и решили, что заниматься любовью во всех видах можно прямо на месте, не выходя из отеля.

Фраучи ткнул пальцем в свой костюмчик, изрядно помятый и заляпанный какой-то дрянью. Он категорически отказался выходить наружу, пока его не оденут во что-нибудь более приличное, и тут же уткнулся в толстый путеводитель по Барселоне, который позаимствовал у портье. Книга была написана на английском, но Григорий в силу семейных традиций владел этим языком с раннего детства.

Выйдя из отеля, Мигель и Донцов увидели седовласого испанца в синем комбинезоне, который соскребал ножом со стены листовки, наклеенные на нее ночью.

– Это анархисты прилепили, – пояснил Мигель. – Бойцы они никакие, а вот выказать свои амбиции или нагадить по-мелкому неважно кому это запросто. Их активисты командуют армейскими частями и вошли в состав правительства. На заседаниях орут и кидают помидорами в неудобных ораторов. Шуму много, толку мало, а то и вред. Вот был случай. Трое камрадов повезли в Барселону деньги и ценности, собранные крестьянами на антифашистскую борьбу. В деревне Монсон какие-то местные болваны из анархистов задержали их, не разобрались в документах, обыскали, нашли много денег, тут же расстреляли всех как фашистов, вывозящих ценности, и торжественно явились сюда с докладом. Их, в свою очередь, тоже поставили к стенке.

Бродя по старому городу, они наткнулись на одеждуную лавку, где купили для Фраучи синий холщовый комбинезон с застежкой-молнией, а также легкие полотняные тапочки альпаргата на веревочной подошве. Подобная одежда была распространена среди жителей Барселоны. В ней парень не будет выделяться в толпе, привлекать к себе ненужное внимание.

Вскоре Донцов обратил внимание на похоронную процессию. Мертвеца несли в гробу не горизонтально, а вертикально.

– Это новая традиция, – сказал Мигель. – Мертвые стоят, призывают живых продолжать борьбу за демократию.

Они вышли на одну из центральных улиц. По ней двигался густой поток транспорта, но пешеходов это не смущало. Переходя на другую сторону, они нагло маневрировали между истошно сигналящими авто. В машинах были выбиты и прострелены стекла, сорваны подножки, текли радиаторы, зато многие из них были украшены цветами, лентами и куклами. Тотальный праздник и всеобщее ликование.

Мигель приметил столики на тротуаре, предложил советскому гостю выпить кофе, и они заняли свободный столик. Рядом с ними уместилась компания, разодетая в романтические отрепья. Трое мужчин, явно навеселе, воткнули между колен винтовки системы «браунинг», пили вино и закусывали шоколадом. Они поглядывали на соседей не то чтобы злобно, но с высокомерной недоброежелательностью.

– Пошли отсюда, – сказал Мигель вполголоса. – Это анархисты. Они явно нарываюся на скандал, любят показать свою силу перед безоружными людьми, находящимися в меньшем количестве.

«Количество не всегда переходит в качество. Вояки, мать их так!» – подумал Донцов.

Едва они отошли на пару десятков метров, как сзади послышался хрипловатый голос:

– Эй, подождите-ка, камрады. Стоять, вам сказали!

Камрады остановились и обернулись. К ним с ехидными улыбками приблизились те самые анархисты из кафе. У двоих оружие висело за плечами стволами вниз. Третий держал перед собой винтовку с примкнутым штыком.

– Документы! – коротко бросил молодой мужчина с черным от щетины лицом.

– А вы кто? – поинтересовался Мигель.

– Мы народный патруль. Документы!

Мигель достал удостоверение и раскрыл его перед патрульным.

– Это неправильный документ, мадридский, – брезгливо проговорил тот. – Каталония – свободная страна. Она не подчиняется Мадриду.

– Да вы никому не подчиняетесь, – язвительно заметил Мигель.

– Это точно, – согласился небритый тип. – У нас организованная недисциплинированность. Каждый отвечает перед самим собой и коллективом. Трусов, предателей и мародеров мы расстреливаем. А вы очень походите на шпионов Франко.

«Дилетанты, – подумал Донцов. – Вместо стандартного патрульного охвата стоят как кегли в один ряд. А этот винтовку держит как дубину, даже палец не на спусковом крючке. Надо заканчивать с этим балаганом».

Алексей вспомнил недавний рассказ Мигеля и еще больше утвердился в своем мнении.

– А ваши документы? – обратился небритый анархист к Донцову.

– Да, сейчас. – В тот же миг Алексей удивленно вытаращил глаза, вздернул брови, ткнул пальцем куда-то за спину патрульным и выкрикнул: – Вот это да!

Анархисты повернули головы, на мгновение потеряли концентрацию, чем немедленно воспользовался Донцов. Он левой рукой отбил винтовку у парня, стоящего слева, врезал ему правой рукой в кадык, обратным ходом локтя угодил в челюсть второму, а третьего крепко пнул в колено. Все трое согнулись, подвывая от боли. Донцов неторопливо добил каждого ударом ребром ладони по загривку. Прodelал он все быстро, отточенными движениями. Реальное избиение больше походило на театральную постановку. Анархисты как мокрые тряпки растеклись по асфальту.

– Вот, собственно, и все. Финита ля комедия, – Алексей посмотрел на ошарашенного Мигеля и спросил: – Тебе понравилось это представление?

– Еще как! – выдал из себя тот, слегка оправившись от изумления. – Здорово это у тебя получилось. Если ты научишь этому наших парней...

– Научу, конечно. На том стоим. – Донцов подобрал винтовки, закинул их в палисадник ближайшего дома, посмотрел на тела, распластанные на асфальте. – Ничего страшного с ними не случилось. Очухаются минут через десять. Ну что, двинули дальше? – Все это было произнесено без каких-либо эмоций, как будто Донцов выполнил привычную и изрядно поднадоевшую ему работу.

Дальнейшая прогулка по городу прошла спокойно, без приключений. Вскоре они подошли к отелю. Алексей шагнул внутрь, а Мигель отправился по каким-то своим неотложным делам.

Колонна молодых рабочих отправлялась на фронт. Она промаршировала мимо отеля, с барабанщиками, по четыре в ряд. Первые шестнадцать человек с винтовками, затем двое с пистолетами. Все остальные просто размахивали руками в такт барабанам.

День неумолимо катился к вечеру. Утром предстояла поездка в Мадрид.

То ли еще будет.

Отряд

Ранним утром добровольцы уселись в тот же потрепанный «Шевроле» и отправились в Мадрид по широкой автостраде. По дороге их два раза останавливали патрули непонятной политической ориентации, проверяли документы и отпускали с миром.

Машина миновала лесопарковую зону и оказалась в предместьях Мадрида. Мелькали поселки с роскошными загородными виллами. Еще недавно здесь отдыхала от городской суеты столичная знать. Теперь же практически все усадьбы имели плачевный вид, были разрушены артиллерией, сожжены или просто заколочены. Эхо войны.

– Неужели нельзя было договориться, решить все миром?! – воскликнул Фраучи, глядя на апокалипсические пейзажи.

– Вы же не договорились в семнадцатом году, – жестко проговорил Мигель.

– Мне тоже непонятен этот испанский сумбур, – задумчиво произнес Джига. – Как в той песне: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» А нужно ли это «затем», если ты его не увидишь?

– Ты-то увидел, – возразил Донцов. – Не разглядели те, кто разрушал. И вообще, прекращай эти крамольные разговоры. Комиссара на тебя нет!

События в Барселоне напоминали средневековый карнавал, когда на короткое время становится можно все то, что обычно нельзя, праздник вседозволенности и распушенности вне зависимости от принадлежности к какому-либо сословию. В Мадриде же царила тягостная атмосфера осажденной крепости. Вдали раздавалась артиллерийская канонада.

Военное министерство располагалось в самом центре города, на холме, в саду. Перед подъездом возвышалась статуя Гонсалеса из Кордовы, знаменитого средневекового полководца, прозванного Великим капитаном. Охрана, видимо, была предупреждена о прибытии добровольцев. Поэтому она беспрепятственно пропустила их внутрь здания. Вскоре они оказались в приемной Яна Карловича Берзина, наполненной разномастно одетыми посетителями, ожидавшими встречи с ним.

– Проходите, товарищ Донцов. Вас ждут, – сказал на чистом русском языке безупречно одетый молоденький секретарь, офицер, судя по выправке, и указал на дверь кабинета. – Ваши спутники пусть пока здесь посидят.

– Меня не приглашают, – несколько обиженно сказал Мигель и пожал плечами.

Корпусной комиссар, а ныне советник Ян Карлович Берзин сидел за огромным письменным столом в богато обставленном кабинете и разговаривал по телефону. Кроме него здесь присутствовал Иосиф Шмыга. Он устроился в углу кабинета, возле кадки с неким экзотическим растением и рассеянно смотрел в потолок.

Берзин кивнул Донцову и махнул рукой в сторону одного из кресел, предназначенных для посетителей. Донцов присел в ожидании. Главный военный советник республиканской армии положил трубку на аппарат и в упор посмотрел на визитера.

Тот дернулся, чтобы встать, но Берзин его остановил.

– Здесь мы на службе, но на другой, поэтому обойдемся без уставных отношений, – заявил он. – Давайте сразу к делу. Вам поручено создать диверсионно-разведывательный отряд в составе партизанской структуры Доминго Унгии. Будете действовать в соответствии с его планами. – Берзин сделал короткую паузу и продолжил: – Если не последует особых указаний от меня через полковника Шмыгу. Или же вам передаст их полковник Старинов, который сейчас находится в расположении партизанской базы. Вас всего трое, но вы опытные бойцы, профессионалы, справитесь. Подробные инструкции получите от Шмыги. Удачи вам.

Донцов хотел сказать, что их уже четверо, но смолчал про Фраучи, опасаясь непредвиденной реакции Берзина. Ян Карлович встал, давая понять, что визит окончен. Донцов направился к выходу. Следом за ним устремился Иосиф Шмыга.

Временная база партизанского корпуса расположилась на территории вещевых складов, расположенных в предместьях Валенсии. Создавать что-либо постоянное в сумбуре испанской герильи не имело смысла. Да и партизанские иррегулярные структуры являлись временным явлением. Маятник гражданского противостояния когда-то должен был остановиться.

Склады давно разграбил невесть кто, и теперь они представляли собой жалкое зрелище. Выбитые стекла и выдавленные решетки на окнах, сорванные створки ворот и кучи мусора вокруг. Но серьезных боев здесь не происходило, поэтому стены и крыши строений остались целы. Партизаны своими силами навели тут относительный порядок. В административном корпусе они организовали штаб. Остальные здания использовались под казармы и для хозяйственных нужд.

Донцов с товарищами были временно размещены в казарме. Они получили заверение, что позднее переселятся в отдельный дом.

– Он хороший, но требует ремонта. Это ненадолго, – пообещал им комендант базы.

После обильного завтрака в столовой они переместились в казарму и расселись на койки.

– Прежде чем идти на доклад к начальству, надо самим определиться, – сказал Донцов. – Сейчас, по информации, полученной от Шмыги, на базе расквартирован где-то батальон. Численность личного состава будет постоянно наращиваться. Нам в ближайшее время предстоит набрать бойцов в отряд, и не всех подряд, кого дадут, а уже чему-то как-то наученных. Они пройдут ускоренный курс боевой подготовки, с нашей помощью, естественно. Потом начнем работать. База имеет в наличии полигон с полосой препятствий, тир, правда, в чистом поле, но оно и лучше, ближе к реальным боевым условиям, и помещение для теоретических занятий. Передвигаться по пересеченной местности так же бесшумно, как бесплотные духи, народ тут умеет. Но людей надо проверять и натаскивать. Джига займется подрывным делом, Солейко будет учить стрелять из всего, что тут есть, Фраучи подготовит пару-тройку снайперов, а я займусь рукопашным и штыковым боем. Мигель будет в качестве переводчика, если таковой потребуется, но старайтесь обойтись без него. Сейчас он умотал куда-то по своим делам, к вечеру прибудет. Вопросы есть?

– А когда начнутся экзамены по приему абитуриентов в бойцы, и кто войдет в приемную комиссию? – спросил Фраучи, глядя на Донцова глазами невинной школьницы.

– Тебе бы все шутки шутить, студент недоученный. Завтра и начнем. В комиссии тебе предназначена роль стюарда для снабжения чаем. Ладно. Вы тут пока сидите и думайте, а я пойду по начальству.

Старинова Донцов застал в кабинете. В отличие от хором Берзина это помещение выглядело весьма скромно. Письменный стол с бумагами и телефоном, два ряда стульев вдоль стен, кожаное кресло в углу возле окна и большая карта с булавками, воткнутыми в нее.

После обмена приветствиями Алексей разместился в кресле и приготовился слушать.

– Вы прибыли очень вовремя, – сказал Старинов и скупой улыбнулся. – Доминго сейчас в Валенсии получает очередной втык от начальства, но он тут пока и не нужен. Партизанское соединение находится на стадии формирования, и нам позарез необходимы опытные кадры. Отряд вы соберете и обучите. Я в этом несколько не сомневаюсь. Но у меня будет даже не приказ, а просьба. – Старинов на несколько секунд задумался, потом продолжил: – Я тут был один как перст. Поэтому вам придется обучать не только людей из своего отряда, но и всех остальных. По мере возможности, конечно. Мы входим в состав местной группировки республиканской армии, формально должны выполнять приказы ее командования, но имеем некото-

рую степень свободы действий. Войсками здесь начальствует Бенедикто, личность весьма оригинальная. При короле служил в гвардии в звании капитана и числился ярым монархистом. После переворота быстренько перекарасился в анархисты и возвысился до генерала. Но стратегическое мышление у него так и осталось капитанское, на уровне разгона уличных беспорядков. Человек излишне эмоциональный, с элементами самодурства. – Старинов замолчал, поднялся из-за стола и подошел к большой карте, висящей на стене.

Донцов увидел пепельницу, стоявшую на столе, и вопросительно посмотрел на полковника.

– Курите, – сказал тот, поймав взгляд Алексея.

Тот немедленно воспользовался разрешением, выдернул из кармана пачку папирос и закурил.

А Старинов тем временем продолжил:

– На сегодня наша первостепенная задача состоит в том, чтобы выровнять линию фронта, ликвидировать выступ у города Теруэль, который для нас как кость в горле. Вот он, – Старинов ткнул пальцем в соответствующее место на карте. – Мы обязаны максимально затруднить снабжение войск противника, блокировать автомобильные конвои, взрывать мосты, уничтожать линии связи и электропередачи. Поэтому вам необходимо сформировать отряд, привести его в боевое состояние и начать действовать в самое ближайшее время. Пока это все. Если у вас возникнут технические трудности, то обратитесь к коменданту, его зовут Антонио Гонсалес.

– Мы уже знакомы, – сказал Донцов.

– Вот и хорошо. – Старинов прошелся по кабинету, сел за стол. – Вам в отряде непременно понадобится врач. Таковой нашелся среди новобранцев, прибывших сюда буквально вчера. Это Диего Третьяков, потомок эмигрантов. Он хорошо говорит по-русски. Рекомендую вам принять его в состав отряда.

– Хорошая рекомендация, – сказал Донцов. – О медицине я сам почему-то и не подумал. Как его найти?

– Он сам вас найдет. Сегодня устраивайтесь, а завтра приступайте к работе. Место для бесед с людьми вам укажет Антонио.

Они попрощались, и Донцов покинул штаб.

На следующий день у входа в склад, выделенный комендантом, выстроилась огромная очередь бойцов, желающих попасть в отряд. Абитуриентам, как выразился Фраучи, устраивала перекрестный допрос вся советская четверка и Мигель, примкнувший к ней в качестве переводчика. На слово они никому не верили и предлагали всем продемонстрировать свои умения, благо заранее занесли на склад взрывное оборудование и все виды стрелкового оружия, имеющиеся на базе.

Процедура приема была закончена довольно поздно, когда совсем стемнело. Экзаменаторы вышли в теплую ночь, совершенно отупевшие и выжатые как лимоны.

В небе торчал серп растущей луны, окруженный яркими выпуклыми звездами. Над всей Испанией распростерлось безоблачное небо.

– А ведь здесь не бывает зимы, морозов, снега, – задумчиво проговорил Фраучи.

– Не обольщайся, – сказал Мигель. – У вас в России печи, а у нас камины. Они толком дома не обогревают, до трусов не разденешься. Морозов у нас, как правило, нет, но уж лучше они при хорошем отоплении. Порой случаются холода и снегопады. Особенно в горах. А ты думал, что в рай попал?

Часть вторая

Валенсия

На пути дальнейшего укрепления вооруженных сил республиканского правительства и подготовки разгрома фашистов главными препятствиями в настоящее время являются два недостатка:

1) засоренность высших штабов и органов управления ненадежными и отчасти предательскими элементами из числа генералитета и офицерства;

2) демагогическая и антигосударственная деятельность анархистских лидеров, а также допущение предательской работы контрреволюционных троцкистских элементов, в результате чего тормозится создание крепкой объединенной армии Народного фронта, внедрение дисциплины, активизация фронтов и взаимодействие их друг с другом.

Доницетти

Верно: Начальник 1-го отдела РУ РККА корпусной комиссар Штейнбрюк

Из доклада военного советника Я. К. Берзина (псевдоним Доницетти) в РУ РККА

Теруэль

Формирование отряда закончилось. Бойцы получили желто-коричневые комбинезоны и тапочки альпаргатас, чтоб ловчее было лазить по горам. Потом прямо с подъехавшего грузовика им было выдано советское стрелковое и холодное оружие. Фраучи достались несколько оптических прицелов, чему он страшно удивился и обрадовался.

Донцова все это вполне устраивало. Его абсолютно не интересовало, откуда это оружие взялось.

Кроме того, в собственность отряда поступил «Додж» с водителем. Командование пообещало при необходимости предоставлять дополнительный транспорт, как грузовой, так и конный. Лошади в требуемом количестве содержались в загоне под навесом.

Бойцы, набранные в отряд, построились на импровизированном плацу, и Донцов произнес короткую приветственную речь:

– Товарищи, задача нашего отряда состоит в том, чтобы наносить максимальный урон противнику в его тылах, ликвидировать командный состав фалангистов, нарушать коммуникации и захватывать языков для получения ценной информации. Чтобы вас не перебили как мух в первом же боевом столкновении, вам следует пройти начальный курс боевой и диверсионной подготовки.

– Значит, есть еще и полный курс, да? Из чего же он состоит? – последовал вопрос из строя.

Донцов не стал возмущаться по поводу такого вот вопиющего нарушения воинской дисциплины, о которой здесь мало кто слышал, и совершенно спокойно ответил:

– Полный курс довольно сложный и весьма обширный. Если вкратце, то при его прохождении нужно научиться тактике партизанской войны, эффективно стрелять из всего, что стреляет, водить любые виды транспорта, в том числе и авиационного, снаряжать и обезвреживать взрывные устройства, убивать врага всем, что попадетс вам под руку, ориентироваться на местности без каких-либо приспособлений, прыгать с парашютом и просто так, с машины,

с поезда и на них, с обрыва в воду, с крыши на землю, забираться по веревке в окно, одновременно паля из всех стволов, имеющих у вас, правильно падать, чтобы не свернуть шею или не сломать конечность. Есть и много чего другого. Война закончится, пока вы всему этому научитесь. Поэтому пройдете первичную подготовку, необходимую для самого начала, а опыта будете набираться в реальных боевых операциях.

– А еще в курс молодого бойца входит строевая подготовка, – ехидно ввернул Джига, чем несколько напряг новобранцев.

– Да, строевая подготовка входит, – подтвердил Алексей, с трудом удерживая серьезную мину на лице. – Но нам в парадах не участвовать, поэтому мы исключаем этот пункт из учебной программы.

Строй облегченно вздохнул.

Донцов представил новобранцам инструкторов, которые будут проводить занятия по разным курсам. Он сказал, что Мигель будет переводчиком, а врач Диего научит бойцов оказывать друг другу первую медицинскую помощь при ранениях, отравлениях и укусах ядовитой живности.

Закончил Донцов словами, как гвозди вбитыми в голову всем советским людям еще со времен Октябрьской революции:

– Кто не с нами, тот против нас. Если враг не сдается, его уничтожают. – Он на миг замолчал и добавил: – Но пасаран! Вольно, разойдись! Приступить к тренировкам.

Начались занятия с перерывом лишь на сон и еду.

На них звучали примерно такие фразы:

– Нужно уметь сливаться с окружающей средой. Как хамелеон, который не хочет, чтобы его сожрали.

– При выстреле нужно ощущать полет пули, как собственный взгляд, который видит цель. Только в этом случае она полетит именно туда, куда нужно.

– Мину нужно закладывать так, как я только что вам показал. Иначе она взорвется как новогодняя петарда, шума будет много, а толку мало. Если правильно направить взрывную волну, то для эффективного подрыва понадобится минимум взрывчатки.

– Не надо сразу показывать клинок, крутить им перед носом противника. Так можно разве что напугать его. Он должен появляться внезапно и сразу же бить в нужную точку, чтобы ваш враг и понять ничего не успел.

– Ложись! Отжимаемся на кулаках. И раз, и два, и три... и сорок два, и сорок три.

Так прошла неделя, за ней и вторая.

Потом Донцова вызвал к себе Старинов, оторвав его от занятий по штыковому бою, и с места в карьер задал очень даже резонный вопрос:

– Как долго вы еще намерены обучать бойцов? Время не терпит.

– Они еще не готовы... – начал было Донцов, но полковник его перебил:

– Ты сам подбирал контингент, причем не мальчишек с улицы. Эти люди участвовали в боях и выжили, стало быть, воевать способны. Никакая песня не может длиться вечно. Тебя сколько учили?

– Два года, а потом были дополнительные курсы.

– Ну и?.. Надеюсь, ты сам все понял. Даю тебе еще три дня на завершение подготовки. И сразу начинайте работать. Этот проклятый выступ никуда не делся. Сам Теруэль – крепкий орешек. Городок маленький. Его можно успешно оборонять незначительными силами. Этому способствуют узкие улочки, основательные средневековые здания, крепостные стены. Остается разве что окружить, осадить и вынудить противника сдаться. Вот вы и займетесь подготовкой блокады. Этот выступ нам как чирей на заднице, но для диверсантов имеются свои преимущества. – Старинов достал из планшета крупномасштабную карту. – На территорию противника

можно зайти с фланга. По нашим разведанным, вот тут и тут имеются заслоны франкистов, а через горы можно проникнуть беспрепятственно. Я дам вам проводника. Нам известно, что город снабжается по трассе колоннами грузовиков и по железной дороге. С машинами ты и сам знаешь что делать, а железнодорожное сообщение можно прервать, взорвав вот этот мостик. – Он ткнул пальцем в карту. – Речушка там так себе, ручеек, и мостик короткий, но по воздуху поезда не летают. «Додж» у вас свой. Возьмете еще грузовой «Форд» или два. Это сам определишь. Доедете до предгорий, а там пешком. Вопросы есть? Вопросов нет. Действуй, команданте.

После визита к Старинову Донцов собрал своих преторианцев, как он их сам окрестил, на совещание. К ним присоединился проводник по имени Аугусто, седовласый мужчина средних лет с крючковатым носом. Сразу же возник вопрос о количестве личного состава, необходимого для проведения операции.

– Сколько брать с собой людей? – Донцов на некоторое время задумался. – Это зависит от общего веса переносимого груза, времени в пути, топографии и возможности стычек с мобильными группами противника.

– А там могут попадаться эти самые мобильные группы? – спросил Фраучи.

– При планировании любой операции следует воспринимать все вероятное как неизбежное. Нас так учили, – ответил Донцов. – Какие будут мнения?

– Взять человек десять-двенадцать, самых подготовленных, чтобы не потерять мобильность группы, – предложил Солейко.

– Пожалуй, – согласился Донцов. – Давайте уточним маршрут. – Все склонились над картой, разложенной на столе. – Аугусто, тебе слово.

– Условная линия фронта проходит до края плоскогорья. За ним земля ничья. По плоскогорью можно незаметно пройти по руслу пересохшего ручья в дневное время. Далее будет лес, достаточно густой. – По ходу рассказа Аугусто водил пальцем по карте. – Перед входом в долину он редееет. Там есть ответвление. Потом минуем перевал и попадем на территорию противника. На карте этого перевала нет, но я знаю, где он находится.

– Так другие тоже могут знать! – воскликнул нетерпеливый Фраучи.

– Могут. – Аугусто согласно кивнул. – Но вряд ли нас будут ждать с этой стороны. До железнодорожного моста после перевала будет километров пять. Километром ранее есть еще автомобильный мост. Телеграфные столбы стоят вдоль рельсов. Железнодорожный мост охраняется, автомобильный – не знаю, кажется, нет. У меня все.

– Два моста, телеграфная линия, автоколонны. Не слишком ли много для небольшого пятачка? – с сомнением проговорил Джига. – После первого же взрыва начнется переполох. Франкисты запустят поисковые группы с собаками, а то и войсковую операцию затеют с тотальным прочесыванием окрестностей. Мы не успеем взять ноги в руки.

– А ты одновременно все взорви. Шутка.

Все заулыбались.

– Чего развеселились? – воскликнул Джига с обидой в голосе. – Шутка шуткой, но стоит подумать.

Отбыл отряд рано утром. Впереди ехал «Додж», за ним следовал тентованный грузовик с бойцами.

По дороге машины обогнали упряжку. Два мула, шедших друг за другом, тащили высокий фургон, груженный дровами. Старый возница с морщинистым лицом увидел автомобили, перестал погонять животных и замахал руками в знак приветствия.

При въезде в селение, состоявшее из пары десятков домов, их остановил патруль. Здесь проходила линия фронта. Разобравшись с патрулем, Донцов дал бойцам команду покинуть машины и приготовиться к пешему переходу.

– Странная какая-то линия фронта, – задумчиво проговорил Солейко. – Никаких окопов, пулеметных гнезд, дотов. Только конные дозоры, а остальной личный состав республиканцев спокойно сидит по хатам.

– Может, у них тактика такая? – предположил Фраучи.

– Это не тактика такая, а бездарность командования. Фалангисты их блокируют, обходят с флангов и продолжают движение. А они будут держать круговую оборону до морковкина заговенья.

– Так надо им подсказать! – не унимался Фраучи.

– Пускай им Бенедикто подсказывает.

Бойцы засветло пересекли плоскогорье и углубились в лес. В отличие от побережья с его пальмами и другой субтропической флорой, здесь преобладала растительность средней полосы России: дуб, сосна, можжевельник.

Стемнело. Фонарей диверсанты не зажигали. Чтобы не потеряться, на спине у каждого были приклеены белые лоскутки с привязанными к ним гнилушками. Местное изобретение. На них ориентировались люди, идущие сзади. Курить разрешалось только на привалах с соблюдением маскировки, укрывшись куртками.

Лес поредел. Впереди в лунном свете стала видна прогалина, поросшая редкими кустами. Отряд двигался вдоль неглубокой лощины, и Донцов внезапно приказал остановиться на ее краю.

– Что-то птички там сильно раскричались. Ночью они так себя не ведут. Не нравится мне это, – сказал он, повернувшись к Аугусто.

– Ты прав, – согласился проводник.

Донцов послал двух бойцов в разведку, чтобы осмотреться. Стоило им покинуть лощину, как на той стороне прогалины, метрах в пятидесяти, зажглись фонари, а следом раздалась беспорядочная стрельба. Один из разведчиков судорожно задергал руками и упал навзничь. Второй бросился на землю и заполз обратно в лощину.

«Засада!» – подумал Донцов и крикнул: – Всем залечь! Огонь по готовности!

Бойцы залегли цепью вдоль лощины, зажгли свои фонари и открыли ответный огонь.

– Что ты об этом скажешь? – спросил Алексей Мигеля, выхватившего «браунинг». – Да убери ты свою пукалку. Толку от нее как от козла молока! – Так что ты думаешь?

– Да ничего я не думаю! – воскликнул Мигель. – Это вне всякой логики!

– У войны своя логика. Солейко!

– Здесь я!

– Туркменский вариант.

– Понял, отрабатываю.

Солейко скрылся из вида.

Через несколько минут на той стороне лощины раздалось несколько взрывов гранат, сопровождаемых истошными криками. Стрельба поредела.

Вскоре вернулся Сан Саныч и доложил командиру отряда:

– На той стороне бурелом. В нем они и засели. Судя по интенсивности стрельбы, пара десятков. Но вот что мне показалось странным. Я не особо владею испанским, но там кто-то крикнул «Чертов Франко!» Эти слова я понял.

– Что?! – Донцов едва не подпрыгнул, услышав это неожиданное заявление. – Прекратить огонь! Мигель, разберись с этими чудесами.

– Эй! – крикнул испанец, высунувшись из лощины и сложив ладони рупором. – Мы из бригады Доминго Унгри. А вы кто?

– Мы республиканская армия, – последовал ответ с той стороны прогалины. – За что воюем?

– А вы? Давай разберемся, кто есть кто.

– Давай, – последовал ответ.

– Встречаемся посреди поляны, двое на двое, – предложил Мигель. – При выключенных фонарях. Годится?

– Годится.

Погас свет, наступила тишина.

Мигель взял с собой одного бойца.

– Винтовку оставь. Пистолета будет вполне достаточно, – сказал он ему.

Вернулись они минут через пять.

– Ну что? – спросил Донцов, стгорая от нетерпения.

– Им было поручено устроить здесь засаду диверсионной группе противника. Приказ начальства. Оно как будто знало наш маршрут.

Услышав последнюю фразу, Донцов с подозрением покосился на Аугусто, но тут же себя одернул.

«Старинов кого попало не порекомендует», – подумал он и спросил:

– И что теперь?

– Повеселились. По одному трупу с каждой стороны, а у них еще куча людей с осколочными ранениями. Теперь расходимся, – проговорил Мигель с горькой иронией. – Мы друг другу больше неинтересны.

– Интересно, кто нас сдал, – сказал Донцов. – Но это потом.

После короткого привала диверсионная группа вошла в долину с пологими краями, поросшими густым кустарником. Постепенно рассвело. Бойцам следовало перейти через горы и дожидаться следующей ночи.

К полудню группа диверсантов преодолела перевал и разместилась на длительный привал в широкой нише, накрытой скальным выступом. Бойцы наломали веток, улеглись на них и тут же заснули после сумбурной бессонной ночи. Разумеется, это не касалось боевого охранения.

Донцов выставил его и тоже намеревался слегка прикорнуть, но неожиданно появился Джига и заявил:

– Слушай, командир, я тут малость поразмыслила насчет взрыва мостов.

– Что ты хочешь предложить? – спросил Донцов, широко зевая.

– Взорвать можно оба моста, не в один момент, а поочередно, через какой-то промежуток времени, – ответил Джига.

– Как именно мы это сделаем? – осведомился Донцов, самую малость досадуя на своего дотошного товарища, который лезет со своими фантазиями и спать не дает.

– Один мост мы взорвем сами, а другой взлетит на воздух без нас, когда мы уже будем далеко от него.

– Как это без нас? – Донцов приподнялся и сел.

– У меня есть фугас с часовым механизмом. Когда мы ему прикажем, тогда он и взорвется.

– Откуда это у тебя? – Сон окончательно слетел с Донцова.

– Сам сделал, – похвастался Джига. – Мне тут пару месяцев назад один умелец из Москвы схему подкинул. Ничего особенного. Взрывчатка, батарейка, электровзрыватель и обычный будильник. Вот я и реализовал теорию на практике в свободное от безделья время. Сейчас бомба при мне.

– А сработает? – засомневался Донцов.

– Система прошла пятикратные испытания. Без взрывчатки, конечно. Но это вторично.

– Удивительное рядом! – с усмешкой проговорил Алексей. – Давай наметим расклады.

Когда стемнело, Джига, Фраучи и еще трое бойцов пересекли неосвещенную часть шоссе. Все прочие залегли в кустах, метрах в пятидесяти от дороги, чтобы при необходимости прикрыть отступление. Передовая группа затаилась на пологом холме в полукилометре от моста. Он освещался несколькими фонарями и охранялся двумя часовыми, по одному с каждой стороны. Они сидели под зонтиками и были вооружены карабинами системы «маузер».

– Как будем подбираться? – задал резонный вопрос Фраучи.

– Да, это сложно, – проговорил Джига. – Можно по воде, река здесь неглубокая. Хотя нет, все равно засекут. Задача.

Где-то за горами сверкнула молния и ударил гром. Приближалась гроза.

Джигу вдруг осенило.

– Послушай-ка, Гриша, ты сможешь срубить обоих часовых с такого расстояния? – поинтересовался он.

– Запросто. Только выстрелы франкисты услышат, и тут нам кранты, – сказал Григорий.

– А если под гром? Когда он ударит, тогда и стрельнешь. Не услышат. Я в это время проберусь по речке, где еще темно, а как караул скукожится, быстренько прицеплю под мост фугас. Как тебе план? – Он слегка хлопнул Фраучи, лежащего рядом, по плечу.

– План реальный, – ответил тот. – Только громыхает слишком тихо.

– А мы подождем, пока гроза приблизится. Судя по ветру, она прямо на нас идет.

Через некоторое время громыхание действительно заметно усилилось.

Джига спустился к реке и двинулся по руслу, по грудь в воде, неся над головой сверток с бомбой.

Пророкотал гром, заглушивший два выстрела. Часовые повалились на землю.

Вскоре вернулся Джига, вполне довольный жизнью.

– На три часа поставил, – сказал он. – Дело сделано.

– А если караул раньше будут менять? – спросил Фраучи. – Увидят франкисты убитых часовых, осмотрят мост и найдут взрывчатку.

– Тут уж как судьба решит. Пошли к своим. – Джига согнулся и побежал меж кустов.

За ним последовали остальные бойцы.

Донцов выслушал доклад Джиги и предложил ему заняться вторым мостом. В отличие от железнодорожного он не охранялся.

– Его хорошо бы не порожним взорвать, а вместе с колонной, – сказал командир отряда. – Тут недавно грузовой конвой прошел. Дождаться бы следующего. Три часа, говоришь?

– Уже два с половиной, – уточнил Джига.

– Давай отработывай, взорвешь, когда надо будет, а мы наблюдаем. Возьми с собой кого-нибудь и следи за временем.

– Это я и сам знаю.

Прошло больше часа, когда на трассе показалась колонна грузовиков и заползла на мост. Третьим по счету шел бензовоз.

«Вот бы его долбануть! – подумал Донцов. – Догадается ли Иван?»

Иван догадался. Когда бензовоз оказался на середине моста, грянул взрыв, сопровождаемый яркой вспышкой. Мост рухнул, а вслед за ним и машина. Горящий бензин разлетелся во все стороны, запылали соседние грузовики. Несколько горящих людей катались по земле, отчаянно крича.

Вскоре появился Джига с бойцом.

– Уходим. Быстро! – скомандовал Донцов, и диверсанты, не особо скрываясь, побежали в сторону перевала.

В нескольких сотнях метров от него они услышали лай собак. Он доносился не сзади, а спереди. Это означало, что путь на перевал был заблокирован.

– Что будем делать? – спросил Донцов Аугусто, бежавшего рядом, и подумал:

«Погоню фалангисты выслали давно. Видимо, обнаружили трупы караульных на железнодорожном мосту».

– От собак мы уйдем. Тут недалеко есть ручей. Пересечем его в нескольких местах, пропетляем на той стороне, а потом двинемся вдоль русла. Собаки запутаются, – проговорил Аугусто со спокойствием философа-стойка.

– А потом?

– А потом, а потом... У вас умеет кто-нибудь лазить по скалам?

– Да, нас всех этому учили, а Саша Солейко вообще самый настоящий чемпион.

Мигель перевел про чемпиона.

Аугусто заулыбался и сказал:

– Тогда все в порядке. Мой друг однажды проделал такой фокус. Уж не знаю, от кого он убегал. Сейчас в мадридской тюрьме нары греет.

Группа прошла по ручью, отвернула в сторону и уперлась в скалу высотой метров тридцать.

– После нее пологая часть. Там легко спуститься, – сказал Аугусто.

– Сан Саныч, ты ее осилишь? – обратился Донцов к Солейко.

– Да это детская забава, – отозвался тот. – Только вот ни одного костыля у меня нет.

Веревка найдется.

– А если использовать штыки, – предложил кто-то из бойцов.

– Можно попробовать. Скала щелястая. – Солейко взял штык, камнем забил его в трещину, проверил и заявил: – Выдержит.

Вскоре он оказался на вершине скалы и сбросил веревку, по которой поднялись остальные бойцы.

Когда они спускались с горы, сзади раздался глухой взрыв. Это сработал второй фугас Джиги.

Диверсанты миновали долину и лес, вышли на плоскогорье. Светало. По горизонту тянулись силуэты гор. С них веяло холодом.

Гул артиллерийской канонады оповестил бойцов о начале наступления республиканских войск на Теруэль.

– Слушай, Мигель, ты когда намереваешься поехать в Валенсию? – спросил Донцов, когда они добрались до базы и высадились из машин.

– Завтра с утра, – ответил тот.

– Ты можешь выяснить по своим каналам, кто отдал приказ устроить ту засаду?

– Вероятно, смогу.

Мигель вернулся к вечеру следующего дня. Он сказал Донцову, что никто из руководства, находящегося в Валенсии и Мадриде, такого приказа не отдавал.

Аликанте

Донцов вместе с тремя земляками проживал теперь в весьма добротном каменном доме, где ранее обитало складское начальство. То ли временно, то ли постоянно. Территория вокруг была огорожена забором из сварной арматуры с металлическими воротами. Возле крыльца стояла собачья будка, которая долго не пустовала. Туда был поселен огромный приبلудившийся кобель лохматой породы, получивший кличку Цербер. Пес сразу же осознал, чего от него хотят новые хозяева. Он фанатично охранял окрестную территорию и «Додж», припаркованный во дворе под навесом.

Донцов позавтракал и взглянул на стенные часы, добытые где-то домовитым Солейко. До назначенного им совещания командного состава отряда оставалось больше часа, и Алексей решил проконтролировать процесс обучения новобранцев. Он покормил пса, вышел за ворота и побрел вдоль однотипных кирпичных пакгаузов.

В одном из них была устроена аудитория для теоретических занятий. Бойцы натаскали туда разномастной мебели.

Александр Солейко стоял перед двухтумбовым письменным столом, на котором в разобранном виде лежал пистолет-пулемет Дегтярева. Рядом в ободранном кресле расположился Мигель в качестве переводчика.

– Это оружие имеет вес около четырех килограммов, обеспечивает стрельбу со скоростью восемьсот выстрелов в минуту с эффективной дальностью до двухсот метров, – монотонно вещал Солейко.

Донцов сидел за спинами бойцов, слушал вполуха речитатив лектора и размышлял о насущном:

«Кроме автотранспорта для перевозки личного состава хорошо бы обзавестись лошадьми, незаменимыми на бездорожье. Их нам дадут, да только кто ими заниматься будет?»

Его размышления прервал посыльный из штаба.

– Товарищ Донцов, вас вызывает полковник Старинов.

Старинов находился в собственном кабинете.

Он коротко кивнул Алексею и с места в карьер начал ставить ему боевую задачу.

– Противник сконцентрировал большие силы на юго-западе и начал наступление с целью захвата Валенсии. Республиканских войск на этом направлении недостаточно для того, чтобы его остановить. Они отступают с боями. Против стали с винтовкой не попрешь. У франкистов в большом количестве имеются немецкие танки, итальянские танкетки и броневые автомобили «Бильбао». Но им неминуемо придется переправляться через Аликанте. Сейчас вода высокая, а техника у них не плавает. Самое оптимальное место для форсирования реки – вот этот мост. – Старинов подошел к карте, висевшей на стене, и ткнул в нее карандашом. – Его необходимо взорвать. Это приказ свыше. Доминго послал туда роту Фернандеса, но большего мы дать не можем. У нас своих забот полон рот. Они организуют заслон, но при наличии моста долго там не продержатся. Что тебе нужно для проведения операции?

– Сто килограммов тротила, – нисколько не задумываясь, тут же ответил Донцов.

– Это не проблема. Сам знаешь, где взять. Сколько человек предполагаешь привлечь? Транспорт нужен? – Старинов сунул в рот папиросу и нервно закурил.

– Да немного! Фернандес обеспечит прикрытие. Возьму Джигу, Мигеля и Фраучи в качестве снайпера. На всякий пожарный случай. Поэтому и транспорт не нужен. Мы на своем «Додже» доберемся.

– Тогда отправляйся по готовности. У Фернандеса есть рация. Доложишь о результатах.

– У меня вопрос. – Донцов сделал небольшую паузу. – Помните, я вам докладывал про засаду, устроенную по приказу, который никто не отдавал? Это может повториться, если мы не вычислим, кто сливает информацию.

– Не бери в голову, – сказал Старинов. – Бардак в войсках. Один не то сказал, другой не так услышал. Вот и результат.

«Оптимист вы, однако, товарищ полковник», – подумал Донцов и спросил:

– Разрешите идти?

– Давай. Удачи.

Уже почти стемнело, когда на трассе к ним прицепился патруль. «Додж» съехал на обочину и остановился. Оружие диверсанты не светили, спокойно сидели в машине в ожидании дальнейшего развития событий.

К ним подошел высокий сухопарый мужчина в военной форме с черно-красной повязкой на шее. Его сопровождал штатский крепыш. Оба при пистолетах в кобурах. «Ситроен» с водителем стоял невдалеке.

«Снова анархисты, опять двадцать пять! – подумал Донцов. – Но на сей раз патруль, похоже, не самостийный, а настоящий».

Луч фонаря скользнул по лицам людей, сидящих в машине.

– Предъявите документы! – последовал приказ.

Мигель достал попуск и протянул патрульному.

Тот покрутил бумагу в руках и заявил:

– Еще документы!

– А этого разве недостаточно? – спросил Донцов.

– Недостаточно, – последовал ответ, и пропуск переключался в карман патрульного. – Выходите из машины и следуйте за мной. – В его голосе проскальзывали презрительные, высокомерные интонации, а рука легла на кобуру с пистолетом.

В таких случаях Донцов предпочитал сначала действовать, а потом разбираться, кто есть кто.

– Выйти из машины? – спросил он по-испански, соорудил на лице непонимающую гримасу, бросил взгляд на Джигу, сидящего сзади, и добавил по-русски: – Ну да, мы уже испугались и побежали.

В следующий момент Джига выдернул из-под ног пулемет. Лязгнул затвор, и ствол нацелился в патрульных. В руках Донцова мигом появился «ТТ», а у Мигеля – небольшой «браунинг».

– Мордой в землю, руки за голову! Оба! Иначе разнесу в труху ваш дилижанс, а уж про вас вообще молчу, щенки анархические! – проорал Джига тоже по-русски.

Мигель спокойным, даже несколько вяловатым голосом перевел его слова.

Патрульные рухнули на землю, как спиленные деревья. Донцов в это время уже находился вне «Доджа». Вскоре водитель «Ситроена» лежал рядом со своими напарниками. Алексей быстренько опустошил кобуры неподвижно лежащих анархистов, пистолеты закинул в ближайšie кусты.

– Теперь можете встать, – сказал Мигель.

Растерянные патрульные поднялись на ноги, и он добавил, произнося каждое слово так отчетливо, как будто стучал молотом по наковальне:

– Вы пытаетесь препятствовать выполнению важного задания командования.

Мигель в двух словах объяснил, куда они едут и зачем. Старший патрульный понимающе закивал.

– Почему вы остановили именно нас, да так, как будто ждали? – спросил Донцов.

– Нам пришла информация о том, что здесь должны проехать вражеские диверсанты. Ваша машина была описана, – последовал ответ.

– От кого информация?

– Откуда-то сверху. – Патрульный офицер поднял глаза к небу и пожал плечами.

– Документ верни, – потребовал Мигель. – Если бы мы были вражескими диверсантами, то вы уже горели бы в адском пламени за грехи свои тяжкие. Не карманных воришек пытались задержать. Чему вас только учили? Абсолютное дилетантство!

Донцов и компания тут же продолжили путь.

По дороге его преследовала неотступная мысль:

«Второй раз нас подставляют. Возможная случайность превращается в систему. Похоже, что у нас в отряде стукач завелся».

Дорога пролегла по долине, тянущейся между двумя высотками, в паре сотен метров от реки.

«Идеальное место для засады или организации обороны. Господствующие высоты прямо как на заказ», – подумал Донцов, прибыв со своей диверсионной группой в обозначенное место.

Вскоре появился Уго Фернандес в сопровождении двух бойцов.

Донцов выбрался из машины.

Они обменялись рукопожатием, и Уго прояснил ситуацию:

– Я разбил роту на две части и посадил на высотки. Бойцы окопались. В наличии имеются четыре противотанковые пушки на конной тяге и шесть пулеметов ДП. Если мост будет взорван, то продержимся до подхода подкреплений. Иначе нас сметут. У тебя есть какой-нибудь план действий? – Фернандес вопросительно посмотрел на Донцова.

– Пока нет, но будет, – уверенно заявил тот. – Надо определиться на местности. Сколько у нас есть времени? – Он взглянул на Мигеля, стоящего рядом.

Тот понимающе кивнул, приготовился переводить, если потребуется.

– Думаю, что до утра, – ответил Фернандес, немного подумав, и посмотрел вдаль, на ту сторону реки, где периодически ухали взрывы и раздавались пулеметные очереди. – Наши товарищи едва держатся, скоро отойдут. У франкистов много пехоты, имеются легкие немецкие танки и куча броневиков «Бильбао». Без моста они тут надолго застрянут. Ты сам видишь, что местность на той стороне открытая, хорошо простреливается. Поэтому им придется идти на прорыв, либо отступать, если не будет возможности переправиться через реку.

– Понятно. – Донцов закурил папиросу, провел взглядом по окрестностям и задал неожиданный вопрос: – А где конная тяга?

– Тут неподалеку есть лощинка. Лошадей бойцы отогнали туда, стреножили. Пускай попасутся, там трава сочная.

– Хорошо. – Донцов хлопнул ладонью по капоту. – Если понадобится помощь, то я к тебе обращусь.

– Всегда пожалуйста, – сказал Фернандес, поднял сжатый кулак, развернулся и зашагал в сторону ближайшей высотки.

Его бойцы двинулись за ним и вскоре скрылись в густых зарослях.

Донцов повернулся к водителю по имени Николас и распорядился:

– Машину разгрузить и отогнать к лошадям.

Он почему-то сказал это по-русски, поэтому водитель непонимающе пожал плечами. Мигель перевел слова командира отряда весьма своеобразно. Николас выскочил из «Доджа» как ошпаренный и тут же с суетливой поспешностью начал выгружать оборудование и взрывчатку.

Диверсанты расселись на двух обрубках дерева и приступили к обсуждению предстоящей операции.

– Ну что, орлы, как стемнеет, приступим? – бодро проговорил Донцов, хлопнув себя по коленкам. – Джига, сбегай к мосту и оцени обстановку. Потом доложишь. Мы с Мигелем поднимемся на высотку и осмотримся. Туман уже садится, но что-нибудь еще успеем разглядеть. – Донцов посмотрел на Фраучи и продолжил: – Ты оборудуешь снайперское гнездо на одной из высоток. Стреляй во все, что шевелится на той стороне. Вперед!

Но Григорий почему-то не спешил выполнять приказ.

Он странно посмотрел на командира и задумчиво изрек:

– Никогда не угадаешь, когда случай превращается в предопределенность судьбы.

Донцов аж поперхнулся дымом от подобной максимы. Фраучи любил пофилософствовать на досуге, цитируя Маркса, Гегеля и еще бог знает кого. Здесь было не время и не место для этого. Но Алексей хорошо изучил свой контингент и осознавал, что Гришка в данной ситуации просто так болтать не будет.

– Ты что-то придумал? – Донцов в упор посмотрел на Фраучи.

– Мы тут намеренно деревеньку проезжали. Помнишь полевую кухню на окраине? Я спросил одного крестьянина, пока вы торчали у колодца, откуда, мол, эта штука. Оказалось, что там ограбили обоз. Какой и кто, пейзаин не знает. Сказал, что подводы с грузом и трупами увезли, а кухню бросили.

– Ну и..? – не удержался Донцов.

– Так это же бомба! Напичкать ее взрывчаткой, выставить посереде моста и взорвать его к чертовой бабушке вместе с техникой, которая по нему поперется, – заявил Фраучи.

У Донцова аж брови вздернулись от столь неожиданного предложения.

Мигель же оценил эту идею без лишних эмоций, лишь улыбнулся и сказал:

– А что? Вполне рабочий вариант.

– Надо с Джигой обсудить, когда вернется. Взрывчатки у нас предостаточно, – сказал Донцов. – Да только как мы ее притащим, эту кухню? На машине по полям напрямую не проедешь, а вокруг по проселкам километров двадцать пять тянуть, да еще с приключениями. Тут по окрестностям всякий народ бродит. Вон обоз какие-то ухари ограбили.

– На конной тяге, – предложил Мигель. – Попросим пару лошадок у Фернандеса. Напрямую тут всего километров пять ехать.

– А ты с лошадьми справишься? – спросил Донцов и усмехнулся.

– Водитель управится. Он из крестьян, с детства этому обучен, – успокоил его Мигель.

От Фернандеса никаких возражений не последовало.

Вскоре вернулся Джига, немного подумал и одобрил Гришкин вариант.

Кухня была притащена уже по темноте. При свете автомобильных фар диверсанты превратили ее во взрывное устройство, переместили на мост и поставили прямо над центральными опорами, рядом с перилами, чтобы могла проехать техника. Провод питания они протерли вдоль реки на несколько десятков метров и вырыли там окоп для Джиги.

Лошадей водитель вернул в лошину. Он действительно умел с ними управляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.